

УДК 81'23(045)

Т. Ю. Касаткина

**АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ
КАК МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА**



На материале удмуртского языка в статье рассматривается полевой подход к изучению значения слова с психолингвистических позиций. Актуальность обращения к изучению семантики слова в таком ракурсе определяется тем, что подобных исследований с носителями удмуртского языка ранее не проводилось. Также материал данного исследования даст возможность для проведения дальнейших межъязыковых сопоставительных работ.

Основной метод исследования – свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), позволяющий исследователю получить и изучить ассоциативное поле (окружение) слова и идентифицировать наиболее актуальные для носителей языка лексико-семантические варианты. Задача подобного рода работ – это исследование коллективного сознания, что обуславливает необходимость массового анкетирования с целью получения репрезентативной выборки. Полученное в ходе эксперимента ассоциативное поле (АП) является моделью и инструментом анализа семантики слова. Состав АП, характер и соотношение реакций в нём позволяют существенно изменить представления о значении слова как коммуникативной единицы. Для того, чтобы успешно общаться, необходимо иметь не только общий код, но и общность знаний об ассоциативном окружении слова, т. е. его ассоциативно-вербальной сети. АП любого слова имеет ядро с наиболее частотными реакциями и периферию с наименее частотными и единичными реакциями и проявляется в многообразии семантических, тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей.

В данной статье представлен анализ ассоциативных полей лексем *АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК*, *УЛОН/ЖИЗНЬ* и *КОРКА/ДОМ* с целью выявить содержание их ассоциативной структуры и наиболее актуальных для экспериментальной группы носителей удмуртского языка компонентов значения слова. Полученные данные последовательно сопоставлялись с данными лексикографических источников, чтобы установить психологически актуальное значение исследуемых слов и обозначенных ими понятий.

Ключевые слова: полевой подход, значение слова, лексико-семантический вариант, лексикон, носитель языка, семантическое поле, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, достояние индивида, языковое сознание, ядро языкового сознания, вербальные ассоциации, реакция, ассоциат, удмуртский язык, количественный анализ.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603

Полевой подход к изучению языка в целом и отдельных его аспектов получил в современной лингвистике и психолингвистике широкое распространение. Как известно, родоначальниками полевого метода были немецкие ученые И. Трир и В. Порциг; впоследствии зарубежные и отечественные лингвисты начали относить это понятие к широкому кругу явлений языка: лексическим группам, парадигматическим (Трир, Гуденаф, Лаунсбери), синтаксическим (Порциг, Вейсгербер), грамматическим (Адмони), грамматико-лексическим (Гулыга, Шендельс),

функционально-семантическим полям [Щур 1974, 22–23]. Значительный вклад в разработку теории поля также внесли А. В. Бондарко [Бондарко 1983], Л. М. Васильев [Васильев 1990], Ю. Н. Караулов [Караулов 1972], З. Д. Попова [Попова 1989], И. А. Стернин [Стернин 1985], А. А. Уфимцева [Уфимцева 1962].

Поле в лингвистике представляет собой определенную семантическую структуру. Несмотря на свою обширную сеть, оно интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью. Каждое *семантическое поле* характеризуется относительной автономностью, целостностью, упорядоченностью, непрерывностью и динамичностью смыслового пространства. Каждая единица *семантического поля* определяется через соседние единицы. *Семантическое поле* может включать слова, принадлежащие к разным частям речи, и связанные между собой не только семантическими, но и словообразовательными отношениями. При этом психолингвистическое понятие «семантическое поле» представляет собой совокупность слов (связанных по смыслу с данной лексемой) вместе с их ассоциациями.

Таким образом, каждая единица лексикона одновременно входит в несколько полей (лексико-семантическое, словообразовательное, словоизменительное), которые переплетаются и пересекаются друг с другом. Каждая словоформа в памяти человека существует в сочетании с другой или с другими, обычно встречающимися вместе с ней в речи, словоформами.

Для выявления и описания *семантических полей* нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название ассоциативных полей. Термин «*ассоциативное поле*» был введен Ш. Балли и часто употребляется как синоним термина «семантическое поле». Особенность семантических полей такого рода состоит в том, что при их установлении сознательно используются слово-стимул и его ассоциаты, а установление объема поля происходит в результате эксперимента с испытуемыми, следовательно, опирается на анализ не текста, а ответные реакции людей, участвующих в эксперименте. Ассоциативные реакции на слово-стимул, структурированные по принципу поля, образуют ассоциативное значение, которое отражает не только прямое лексическое значение слова, но и множество дополнительных признаков, в том числе оценочные и качественные характеристики, репрезентирующие концептуальные признаки.

Согласно Ю. Н. Караулову, ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок носителей той или иной культуры [Караулов 2000]. Ассоциативные поля динамичны, так как в результате постоянного информационного воздействия люди начинают переосмысливать некоторые значения слов, происходит трансформация значений, обладающих большой коммуникативной активностью, которая во многом зависит от ассоциативного восприятия данных лексем носителями того или иного языка.

Данный вид *поля* образуется из микрополей, в которых слова характеризуются семантической близостью. В ассоциативную группу могут входить слова разных частей речи. Ассоциации делятся на *синтагматические* (образующие со стимулом словосочетание) и *парадигматические* (имеющие какую-либо общность со стимулом, но не образующие с ним словосочетаний). АП позволяет выявить ядро и периферию лексико-семантической группы. В ядро поля входят наиболее стереотипные, автоматические реакции. Периферию составляют менее частотные реакции. Кроме этого, свободный ассоциативный эксперимент хорошо выявляет относительную яркость разных семем по отношению друг к другу в составе семантемы. Полученные экспериментальные данные последовательно сопоставляются с данными лексикографических источников, чтобы установить соответствие значений слов, зафиксированных в словарях с теми, которые нашли своё отражение в результатах эксперимента.

На важность изучения содержания ассоциативного поля с целью выявления полноты значения слова, представленного в языковом сознании носителей различных языков, указывают в своих работах отечественные и зарубежные учёные, в числе которых А. А. Леонтьев [Леонтьев 1971], А. А. Залевская [Залевская 2000; 2005], Т. М. Рогожникова [Рогожникова 2000],



З. Д. Попова, И. А. Стернин [Попова, Стернин 2001], А. Р. Лурия [Лурия 1979, 54], Кейл и Баттерман [Keil & Batterman, 1984], Факонье и Тёрнер [Fauconnier & Turner, 2002], Бёрк [Burke 1987; 2000], Хирш и Три [Hirsh & Tree, 2001], Рутроф [Ruthrof, 1998, 2000].

В настоящее время результаты проведённых исследований, полученных от носителей разноразличных языков, свидетельствуют о том, что *психологическая структура значения*, отражаемая в *ассоциативном поле*, намного шире значения, представленного в толковых словарях. Она зависит от жизненного опыта, способа получения, переработки и хранения информации, особенностей ассоциирования участников эксперимента [Залевская 2003, 2004; Горошко 2001].

Всё вышесказанное свидетельствует о важности изучения значения слова как достояния пользующегося им человека, то есть значения словоформы, хранящейся в ассоциативной структуре памяти. Выявить реальную для носителей языка психологическую структуру содержания слова возможно через получение и анализ ассоциативного поля идентифицируемого слова.

Вопросы организации ассоциативного эксперимента с носителями удмуртского языка

Проведение современных научных исследований на материале удмуртского языка продиктовано несколькими важными причинами. Во-первых, в связи с процессами глобализации количество языков постоянно сокращается. К сожалению, удмуртский язык не является исключением. В 2009 г. ЮНЕСКО отнесла удмуртский язык к языкам, которым угрожает исчезновение. Проблема сохранения языка тесно связана с вопросами сохранения национальной самобытности, языка и культуры удмуртского народа. Удмуртским языком владеют в основном люди старшего поколения. Среди молодых людей владение им распространено существенно меньше. Значительное число носителей языка составляют люди, которые понимают язык, но не говорят на нём – пассивные носители. Во-вторых, актуальность обращения к изучению семантики слова определяется не только возросшим за последние десятилетия интересом к проблеме идентификации слова и его значения, но и тем, что подобных исследований на материале удмуртского языка ранее не проводилось. Материалы данного исследования возможно использовать для проведения межъязыковых сопоставительных работ.

Материал исследования составили данные свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), проведённого с молодыми носителями удмуртского языка. Анализу были подвергнуты 15 000 ассоциативных реакций, полученных на 15 слов-стимулов.

Список стимулов для эксперимента был составлен на основании слов, входящих в ядро ментального лексикона носителей разных языков. Экспериментальным материалом послужили следующие лексемы удмуртского языка: *мон/я, улон/жизнь, коньдон/деньги, музъем/земля, вуж/старый, чебер/красивый, шудбур/счастье, дыр/время, вераськыны/говорить, тӧдӧы/белый, сӧдӧ/чёрный, карт/муж, кышно/жена, корка/дом, адями/человек*.

Слова, предъявленные в эксперименте, были напечатаны крупным шрифтом заглавными буквами. Выбор материала был продиктован следующими соображениями:

1. Некоторые слова были использованы в проведённых ранее экспериментах на материалах башкирского, татарского, а также русского и других славянских языков.

2. Все эти слова частотны, хорошо знакомы испытуемым.

Перед началом проведения эксперимента исследователь объяснял его суть и на примере нескольких слов-стимулов, не входящих в список основных слов, проводил пробную процедуру в устной форме. Испытуемых информировали о том, что их данные будут анонимными, и что для исследователя не существует хороших или плохих ответов.

САЭ проводился методом письменного опроса испытуемых на родном для них языке. Экспериментальные бланки сопровождалась инструкцией в письменном виде на удмуртском языке. Устно пояснялась цель эксперимента. На одной стороне экспериментального бланка испытуемые указывали свой пол, возраст, родной язык, а на другой, согласно инструкции, записывали рядом с каждым словом-стимулом то слово, которое в связи с ним первым приходило на ум.

В эксперименте участвовало более 120 человек. Но для удобства анализа полученного материала рассматривались реакции только 100 участников. Такое количество испытуемых достаточно для получения результативных выводов, свидетельствующих об особенностях функционирования значения слова для данной возрастной категории. Участники эксперимента не только владеют устной речью, но свободно пишут и читают на родном языке. Удмуртский язык, наряду с русским, для них – язык повседневного общения. Данный эксперимент был проведён со студентами 1–4 курсов Удмуртского государственного университета, отделения удмуртской филологии. Все респонденты, участвовавшие в САЭ, получают образование на родном для них языке. Также в эксперименте были задействованы сторонние носители удмуртского языка. Для получения как можно более полных и достоверных данных об ассоциативно-вербальной сети носителей удмуртского языка к эксперименту были привлечены не только жители сельских районов, но и жители городов, средний возраст которых составил 24 года. Время проведения эксперимента не учитывалось и не ограничивалось.

Как указывалось уже ранее, мы выбрали САЭ с регистрацией первичной реакции, который сочетался с анализом представленных в толковых словарях ЛСВ выбранных слов.

Количественный анализ экспериментальных данных

Основной принцип анализа материала – группировка ассоциаций по общности основания для их связи со словом-стимулом, в результате чего устанавливается структура ассоциативного поля и выявляются ассоциативные потенции исходного слова.

На этапе внутриязыкового анализа, в первую очередь, предпринимается попытка установить факт наличия ассоциатов, свидетельствующих об актуализации отдельных ЛСВ у испытуемых. В данном случае речь идёт не о количестве реакций (в процентах), а о факте наличия актов актуализации того или иного ЛСВ.

В числе количественных параметров анализа материалов, проведённых нами экспериментов, учитываются уровень стереотипности реакций, количество разных и единичных реакций на слово-стимул, преобладание синтагматических или парадигматических реакций, расхождения в степенях актуальности различных ЛСВ.

Необходимо отметить, что *стереотипность* реакций – достаточно важный показатель особенностей вербального поведения испытуемых. Уровень стереотипности реакций может измеряться по двум показателям, с учетом которых был проведён данный анализ:

- 1) по тому, какой процент от общего числа реакций составляют три наиболее частые или самая частая реакция;
- 2) по среднему количеству разных реакций на предъявленный в эксперименте стимул [Залевская 1979, 24].

К сожалению, привести в работе детальный анализ АП всех слов стимульного ряда не представляется возможным, поэтому подробный анализ АП рассмотрим на примере семантической структуры удмуртских существительных **АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК**, **УЛОН/ЖИЗНЬ** и **КОРКА/ДОМ**. Выбор данных лексем продиктован тем, что *концепты «человек», «жизнь» и «дом» являются ключевыми в концептосфере любого этноса*. В значительной степени они семантически взаимосвязаны и представляют собой важнейшие для носителя языка и культуры понятия.

Начнём анализ с рассмотрения ассоциативной структуры и содержания АП, полученного на стимул **АДЯМИ**. Семантическая структура АП удмуртской лексики «**АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК**» представлена следующими реакциями: *умой/хороший; визьмо/умный; homo sapiens/человек разумный 9; чебер/красивый; улон/жизнь 8; дунне/вселенная 7; пичи/маленький; зшъяськон/дружба; общество 5; зеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой 4; быдтэ инкуазез/разрушает природу; ваньзэ быгатйсь/способный делать всё 2; дунне адыми/человек; дуннелэн частичкаез/часть вселенной; вордйськем инты/место рождения; виль улон/новая жизнь; зеч/добро; инкуазь/природа; йыр/голова;/ вылтйськон/гордость; кыл/язык; ляб/слабый; мон/я; наука; одйг кадь/одинаковые; ответственность; йыркур/злость; планета Земля; сюлмаськон/забота; уж/работа; кузё/хозяин; шумпотон/радость; юрттэт/помощь; яратон/любовь 1; [100: 35: 0: 22].*



Ассоциативная статья, полученная на стимул, построена по тем же принципам, что и словарные статьи в РАС (Русский ассоциативный словарь) [Караулов, Сорокин, Тарасов и др. 1994], где реакции на стимул располагаются по мере убывания их частоты, которая указывается после реакции или группы слов-реакций с одинаковой частотой. В конце ассоциативной статьи приводятся количественные показатели, где *первая цифра* указывает на общее число реакций, полученных на слово-стимул, *вторая* – на число разных реакций, *третья* – на число нулевых реакций и четвертая – на число единичных реакций.

Перейдём к группировке ассоциаций по общности основания для их связи с исходным словом и анализу структуры АП. Суть работы на этапе группировки реакций по общности основания для их связи со словом-стимулом иллюстрируют таблицы, в которых приведены перечни ассоциативных реакций, соответствующие разным ЛСВ исходных слов.

Для установления структурно-содержательной специфики лексемы АДЯМИ обратимся к удмуртско-русским словарям, чтобы определить лексическое значение слова, которое будет определено как базовое при анализе структуры АП. Изучив словарные статьи, зафиксированные в словарях удмуртского языка, мы выделили ЛСВ лексемы АДЯМИ, которые представлены в таблице 1. ЛСВ 1 имеет несколько подвариантов, согласно которым и были распределены полученные реакции.

Таблица 1

**Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ
удмуртского слова АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК**

Зарегистрированные ЛСВ		Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ1	1. Живое существо, индивидуум, обладающий способностью думать, говорить, создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе труда. 2. Обладающий какими-либо общими качествами, принадлежащий к какой-либо среде, организации и т. п. 3. Для обозначения родственных отношений, принадлежности к классу по половому и возрастному признаку.	<i>hoto sapiens/человек разумный; дунне адями/человек; мон/я; кузё/хозяин; ваньзэ быгатйсь/способный делать всё; йыр/голова; кыл/язык; уж/работа</i> <i>умой/хороший; визьмо/умный; чебер/красивый; йыркур/злость; эшгьяськон/дружба; зеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой; ляб/слабый; тичи/маленький; шумпотон/радость</i> <i>одйг кадь/одинаковые</i>
	4. Обладатель лучших моральных и духовных качеств.	<i>зеч/добро; вылтйяськон/гордость; ответственность; сюлмаськон/забота; юрттэт/помощь; яратон/любовь</i>
ЛСВ 2	Всякий человек, любой; кто-то, кто-либо.	<i>дунне адями/человек; дуннелэн частичкаез/часть вселенной</i>
	Прочие:	<i>вордйськем инты/место рождения; инкуазь/природа; наука; планета Земля; дунне/вселенная; виль улон/новая жизнь; общество; быдтэ инкуазез/разрушает природу</i>



Семантическая структура стимула АДЯМИ свидетельствует о том, что ЛСВ1 является наиболее актуальным и «рельефным» для участников эксперимента. Большинство участников исследования опознали предложенный стимул в значении *«живое существо, индивидуум, обладающий способностью думать, говорить, создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе труда // Обладающий какими-либо общими качествами, принадлежащий к какой-либо среде, организации и т. п. // Для обозначения родственных отношений, принадлежности к классу по половому и возрастному признаку // Владелец лучших моральных и духовных качеств»*. Всего 2 % реакций было отнесено к ЛСВ 2 – *всякий человек, любой; кто-то, кто-либо*. Кроме того, была выделена группа реакций (прочие), которая не имеет ярко выраженной отнесенности к значениям, зафиксированным в словарях удмуртского языка. Хотя психологически, в языковом сознании любого человека, эти ассоциации имеют непосредственные связи и отношения с лексемой «человек».

На данном этапе исследователем также осуществляется работа по группировке ассоциаций по принадлежности к некоторым тематическим группам, учитывающим различные виды *глубинных* семантических связей ассоциатов со словом-стимулом. Мы выделили следующие группы:

а) «субъективные оценочные характеристики человека»: *умой/хороший; визьмо/умный; hoto sapiens/человек разумный 9; чебер/красивый; зеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой; ваньзэ быгатись/способный делать всё; ляб/слабый; пичи/маленький.*

б) «эмоции и чувства»: *йыркур/злость; эшьяськон/дружба; зеч мылкыдо/доброжелательный; зеч/добро; вылтйяськон/гордость; ответственность; сюлмаськон/забота; шумпонтон/радость; юрттэт/помощь; яратон/любовь.*

в) «жизненное пространство»: *улон/жизнь; дунне/вселенная; общество; дуннелэн часть/часть вселенной; вордйськем инты/место рождения; вель улон/новая жизнь; инкуазь/природа; планета Земля.*

г) «объективные физические характеристики человека»: *улэп/живой; ваньзэ быгатись/способный делать всё; йыр/голова; кыл/язык; ляб/слабый; одйг кадь/одинаковые.*

д) «деятельность человека»: *наука; уж/работа; быдтэ инкуазез/разрушает природу.*

Анализ АП слова АДЯМИ также позволил сделать следующим выводом:

1. На долю самой частой реакции приходится всего 27 % от общего числа реакций. Тремя стереотипными реакциями молодых людей оказались следующие ответы – *умой/хороший; визьмо/умный; hoto sapiens/человек разумный 9*. Они оказались наиболее устойчивыми ассоциативными парами (стимул-реакция) для исследуемой группы носителей удмуртского языка. Количество единичных реакций составило 22 %, что свидетельствует о низком уровне стереотипности реакций на данный стимул.

2. Ядро в ассоциативном поле концепта «адями» составляют реакции: *умой/хороший; визьмо/умный; hoto sapiens/человек разумный 9; чебер/красивый; улон/жизнь 8; дунне/вселенная 7*. Околоядерная зона представлена ассоциациями *пичи/маленький; эшьяськон/дружба; общество 5; зеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой 4; быдтэ инкуазез/разрушает природу; ваньзэ быгатись/способный делать всё 2*. Остальные единичные реакции образуют периферию АП исследуемой лексики. Обращает на себя внимание тот факт, что в составе АП присутствуют и реакции на русском языке: *общество, наука, ответственность, планета Земля*.

3. Количественный анализ показал, что парадигматические реакции преобладают в АП лексики АДЯМИ. Респонденты дали 59% парадигматических и 41% синтагматических реакций. При этом, важной составляющей представления современных носителей удмуртского языка о человеке является его эмоциональная оценка, выраженная синтагматической связью с исходной лексемой. Субъективные оценочные характеристики человека, которые отражают отношение одного индивида к другому и имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, оказались важными для языкового сознания носителей удмуртского языка в исследуемой группе: *умой/хороший; визьмо/умный; hoto sapiens/человек разумный; чебер/красивый; зеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой; ваньзэ быгатись/способный делать всё; ляб/слабый; пичи/маленький.*



4. *Человек* в языковом сознании молодых носителей удмуртского языка представлен как живое существо, наделённое эмоциями и чувствами, свойственными всем людям: радость, злость, любовь, доброта. Эти компоненты значения также представлены в полученной модели АП (*яратон/любовь; шумпотон/радость; йыркур/злость и т. д.*).

Связь лексико-семантических элементов в выделенных тематических группах является показателем близости этих семантических областей. Можно с уверенностью утверждать, что в центре языкового сознания любого этноса находится и сам человек, и его жизнь. В связи с этим интересным представляется рассмотрение ассоциативно-семантического поля лексемы УЛОН/ЖИЗНЬ, модели, построенной по результатам экспериментального исследования.

Семантическая структура АП удмуртской лексемы «УЛОН/ЖИЗНЬ»

От участников эксперимента мы получили следующую ассоциативную статью. **УЛОН:** *умой/хорошая; кузь/длинная 12; улон инты/место жительства; секыт/трудная 8; корка/дом; кулон/смерть 5; уж/работа; шудо/счастливая 4; улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать 3; аръёс/годы; мӧзмыт/скучная 2; вакчи дыр/короткое время; вордскем инты/место рождения; узыр/богатая; трос аръёс/много лет; пинальёс/дети; дунне вылын улыны/жить на свете; узыр улыны/жить богато; валантэм/непонятная; улон сюрес/жизненный путь; студентъёслэн/студенческая; мынам улонэ/моя жизнь; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; нюръяськон/борьба; улон сярсы вераны/говорить про жизнь; сюрес/дорога/путь; шудон ӧвӧл/не игра; яратон/любовь; егитъёс/молодёжь; анай но атае/мама и папа; будущее; коньдон/деньги; семья; туалал улон/современная жизнь; планета; адыми/человек; проблема; мынам тазалыке/моё здоровье; чебер/красивая; улон дун/цена жизнь; улон понна/ради жизни; улон корка/жилой дом; дышетскон/учёба; сюлмаськон/беспокойство; **100+67+0+33.***

Традиционно в конце ассоциативной статьи приведены количественные показатели, где первая цифра указывает на общее число реакций, полученных на слово-стимул; вторая – на число разных реакций; третья – на число нулевых реакций и четвертая – на число единичных реакций.

Семантическая структура АП стимула УЛОН/ЖИЗНЬ

Полученные на данный стимул реакции, были классифицированы по группам в соответствии с двумя ЛСВ зарегистрированными в русско-удмуртском словаре:

1. жизнь, существование, бытие, житьё || жизненный, бытовой, житейский;
2. жильё || жилой; жилищный;

Таблица 2 демонстрирует распределение ассоциаций, полученных на слово УЛОН, по значениям, зафиксированным в словаре удмуртского языка.

Таблица 2

Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ удмуртского слова УЛОН/ЖИЗНЬ

ЛСВ лексемы	Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ 1 жизнь, существование, бытие, житьё // жизненный, бытовой, житейский;	<i>умой/хорошая; кузь/длинная 12; секыт/трудная 8; уж/работа; шудо/счастливая 4; улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать 3; аръёс/годы; мӧзмыт/скучная 2; вакчи дыр/короткое время; узыр/богатая; трос аръёс/много лет; пинальёс/дети; дунне вылын улыны/жить на свете;</i>

Окончание таблицы 2

		улыр улыны/жить богато; валантэм/ непонятный; улон сюрес/жизненный путь; мынам улонэ/моя жизнь; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; нюръяськон/ борьба; улон сярсысь вераны/говорить про жизнь; сюрес/дорога/путь; шудон өвөл/не игра; яратон/любовь; егитъёс/ молодёжь; анай но атае/мама и папа; будущее; коньдон/деньги; семья; туалала улон/современная жизнь; планета; адыми/человек; проблема; мынам та- зальке/ моё здоровье; чебер/красивая; улон дун/цена жизнь; улон понна/ради жизни; дышетскон/учёба; студентъёс- лэн/студенческая; сямаськон/ беспокойство.
ЛСВ 2	Жильё; жилой; жилищный;	улон инты/место жительства; корка/ дом; вордскем инты/место рождения; улон корка/жилой дом.

Семантическая неоднородность ассоциативных ответов в рамках ЛСВ1 указывает на необходимость группировки реакций по неким тематическим микрополям, отражающим различные отношения между стимулом и объектами или понятиями реального мира:

«Что есть жизнь?»: аръёс/годы; вакчи дыр/короткое время; трос аръёс/много лет; улон сюрес/жизненный путь; нюръяськон/борьба; сюрес/дорога/путь; мынам тазальке/ моё здоровье; шудон өвөл/не игра; яратон/любовь; будущее; проблема; сямаськон/беспокойство.

«субъекты жизни»: адыми/человек; егитъёс/молодёжь; анай, но атае/мама и папа; семья; пинальёс/дети.

«характеристика жизни»: шудо/счастливая; умой/хорошая; кузь/длинная; секыт/трудная; мёзмыт/скучная; улыр/богатая; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; туалала улон/современная жизнь; чебер/красивая; студентъёслэн/студенческая.

«место, где происходит жизнь»: улон инты/место жительства; корка/дом; уж/работа; вордскем инты/место рождения; дышетскон/учёба.

«жизнь – действие»: улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать; дунне вылын улыны/жить на свете; улыр улыны/жить богато; улон сярсысь вераны/говорить про жизнь.

Анализ ассоциативной статьи на стимул УЛОН/ЖИЗНЬ также позволил сделать следующие выводы:

1. На долю самых частых реакций (умой/хорошая, кузь/длинная) приходится по 12% от общего числа реакций, что, в целом, говорит о невысоком уровне стереотипности. На долю трёх самых частых реакций, полученных на вышеуказанный стимул, приходится 32% реакций.

2. Базовыми единицами, составляющими ядро ассоциативного поля слова УЛОН, являются умой/хорошая; кузь/длинная 12; улон инты/место жительства; секыт/трудная 8; корка/дом; кулон/смерть 5. Околоядерную зону занимают ассоциаты уж/работа; шудо/счастливая 4; улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать 3; аръёс/годы; мёзмыт/скучная 2.

3. На периферии ассоциативного поля оказываются такие реакции, как вакчи дыр/короткое время; вордскем инты/место рождения; улыр/богатая; трос аръёс/много лет; пинальёс/дети; дунне вылын улыны/жить на свете; улыр улыны/жить богато; улон сюрес/жизненный путь; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; нюръяськон/борьба; сюрес/дорога/путь и др.



4. В полученной модели АП, слово-стимул УЛОН вызвало как реакции те словоформы, которые обычно сочетаются со словом-стимулом в речи: *умой/хорошая, кузь/длинная, секыт/трудная, мӧзмыт/скучная, узыр/богатая, лякыт уг лу/лёгкой не бывает, чебер/красивая.*

Полученные в результате ассоциативного эксперимента реакции являются языковыми репрезентациями семантических компонентов, образующих значение слова-стимула УЛОН. Признаки концепта, репрезентированные свободными ассоциациями в сознании респондентов, отражают, прежде всего, реальное значение лексемы УЛОН, которое в сознании людей шире и многообразнее его словарного значения, а общие компоненты значений имеют различную степень релевантности и представляют не только оценочные характеристики жизни, но и принципиальные жизненные ценности. Среди этих ценностей безусловно важным в жизни человека представляется концепт *дом*, в его узком и широком смысле. Он является одной из наиболее важных единиц языкового сознания любого народа. По этой причине мы решили провести семантический анализ АП лексемы **КОРКА/ДОМ**, которая входит в лексико-семантическую группу «жилище» и представляет концепт, отражающий исследуемое семантическое пространство в равной степени важное для всех носителей удмуртского языка.

Семантическая структура АП удмуртской лексемы «КОРКА/ДОМ»

В ходе эксперимента были получены следующие реакции от респондентов:

КОРКА: *шуныт/теплый 17; уют 14; вордӱськем инты/родной дом/место рождения; мой дом – моя крепость 7; анай/мама; семья/семья 5; анай-атай(ёс)/родители; югыт/светлый; яратоно валес/любимая кровать 4; гурт/деревня; жӱуась гур/растопленная печь; пу корка/деревянный дом; улон инты/место проживания; очаг 3; азбар/двор; шудбур/счастье; шутэтскон/отдых 2; бадӱым шуныт корка, кытын улӱ бадӱым семья/большой теплый дом, в котором живёт большая семья; вордӱськем инты, кытын ваньзы ярато тонӱ/родной дом, в котором все любят тебя; защищенность; кышноен карт/муж с женой; липет/навес; пинальёс/дети; укно/окно; пи/сын; спокойствие; чебер/красивый; шумпотыны /испытывать радость; яратон/любовь 1.*

Как и в случае с предыдущими словами-стимулами, начнём работу с группировки ассоциаций по общности основания для их связи с исходным словом и анализу структуры АП исходных слов.

Необходимо соотнести ассоциативные реакции с указанными в словарях ЛСВ. Для решения поставленной задачи обратимся к электронным версиям удмуртско-русского (2008) и русско-удмуртского словарей (2019).

В новом русско-удмуртском словаре зафиксированы следующие ЛСВ слова **КОРКА/ДОМ**:

1. (здание, строение для жилья) *корка; жилой ~ улон корка; каменный ~ из корка; дома-новостройки ~ выль пуктэм коркаос.*

2. (жилое помещение, квартира, жильё) *квартира, улон инты, дор, гурт; брать работу на ~ гуртэ уж басьтыны; разбудить весь ~ быдэс коркаез сайкатыны; работать на дому ~ гуртын ужаны.*

3. (семья, люди, живущие одним хозяйством) *корка, семья, юрт; принять в свой ~ ас юртад пыртыны; жить своим домом ас ~ юртэныд улыны; хлопотать по дому ~ корка котырын берганы.*

4. (царствующий род, династия) *выжы; трёхсотлетие дома Романовых ~ Романовъёслэн выжызылы куинь сю ар тырмон.*

5. (в составе названий различных учреждений, заведений) *корка, юрт, дом; ~ культуры ~ лулчеберетья юрт; ~ отдыха ~ шутэтскон корка; ~ слепых сукыръёслэн юртсы; ~ техники ~ техника юрт; родильный ~ нылпи ваён юрт.*

6. (о помещении, служащем временным жильём) *огдырлы улон инты; космический ~ космосын огдырлы улон инты (космической корабль).*

7. (о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим) *дор, гурт, вордскем инты, кыкетӱ дор (гурт); корабль для моряка – второй ~ корабль морякы – кыкетӱ дор.*



Результаты группировки реакций по общности основания для их связи со словом-стимулом представлены в таблице 3.

Таблица 3

Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ удмуртского слова КОРКА/ДОМ

Зарегистрированные ЛСВ		Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ1	здание, строение для жилья	<i>пу корка/деревянный дом 3; азбар/двор 2; липет/навес 1; мой дом - моя крепость 7; укно/окно 1; бадзым шуныт корка, кытын улэ бадзым семья/большой тёплый дом, в котором живёт большая семья 1; чебер/красивый 1.</i>
ЛСВ 2	жилое помещение, квартира, жильё	<i>шуныт/тепло 17; уют 14; югыт/светлый; яратоно валес/любимая кровать 4; жсуась гур/растопленная печь 3; очаг3; шудбур/счастье2; шутэтскон/отдых 2; защищённость 1; спокойствие 1; шумпотыны /испытывать радость 1; яратон/любовь 1.</i>
ЛСВ3	семья, люди, живущие одним хозяйством	<i>анай/мама 5; семья/семья 5; анай-атай(ёс)/родители 4; кышноен карт/муж с женой 1; нылпиос/дети 1; пи/сын 1.</i>
ЛСВ 4	царствующий род, династия	
ЛСВ 5	в составе названий различных учреждений, заведений	
ЛСВ 6	о помещении, служащем временным жильём	
ЛСВ 7	о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим)	<i>улон инты/место проживания 3; гурт/деревня 3; вордйськем инты/родной дом 7; вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя 1.</i>

Данная таблица позволяет сделать следующие заключения:

1. Большинство респондентов идентифицировали стимул КОРКА в значении 1. (*здание, строение для жилья*) корка; 2. (*жилое помещение, квартира, жильё*) квартира, улон инты, дор, гурт; 3. (*семья, люди, живущие одним хозяйством*) корка, семья, юрт; 7. (*о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим*) дор, гурт, вордскем инты, кыкетй дор (гурт). ЛСВ 4, 5, 6 не актуализировались в эксперименте, что указывает на слабость установленных связей и отношений между стимулом и предполагаемыми реакциями, связанными с этими ЛСВ.

2. Анализируя ассоциативную статью, полученную на данный стимул, выявляем, что самыми стереотипными реакциями являются следующие: *шуныт/тёплый 17; уют 14; вордйськем инты/родной дом; «мой дом моя крепость» 7*. Ассоциативная пара КОРКА – *шуныт* оказалась наиболее устойчивой для исследуемой группы носителей удмуртского языка. На долю самой частой реакции приходится 17% от общего числа реакций. Любопытно отметить,



что вторым по частоте ответом является русское слово – уют. 14% участников отреагировали на заданный стимул русской реакцией.

3. Проанализировав АП лексемы КОРКА, приходим к выводу, что респонденты использовали разные стратегии идентификации знакомого им слова. Наиболее отчётливо прослеживается опора на конкретную понятийную систему (с опорой на конкретный образ или представление), например, *анай/мама; семья/семья; анай-атай(ёс)/родители, яратоно валес/любимая кровать, гурт/деревня; жусаь гур/растопленная печь; пу корка/деревянный дом; улон инты/место проживания; очаг; азбар/двор; кышноен карт/муж с женой; липет/навес; пинальёс/дети; укно/окно; ти/сын.*

4. Некоторые молодые люди продемонстрировали совершенно другой способ реагирования на стимул – опора на «абстрактную» понятийную систему». По мнению М. А. Холодной, человек, обладающий высоким уровнем абстрактности, способен пренебрегать границами непосредственного и двигаться в рамках более отдалённых семантических и смысловых расстояний [Холодная 2002]. Для наглядности приведём несколько примеров: *шудбур/счастье, шутэтскон/отдых, защищенность, спокойствие, яратон/любовь.*

5. Хотя участников эксперимента просили реагировать одним словом на стимул, присутствуют развёрнутые ответы-дефиниции и устойчивые выражения: *бадзьым шуныт корка, кытын улэ бадзьым семья; вордйськем инты кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя; защищённость; мой дом – моя крепость.*

6. На удмуртское слово КОРКА есть реакции на русском языке, которые мы условно обозначили как переводные: уют; мой дом – моя крепость; очаг; защищённость; спокойствие. Предполагаем, что те люди, которые выбрали такой способ реагирования на стимул КОРКА, имеют слабые ассоциативные связи этого слова на их родном языке.

7. Эмоционально-оценочный компонент значения слова прослеживается в следующих реакциях на стимул КОРКА: *теплый, светлый, красивый.*

8. Все ассоциации поля находятся в парадигматических или синтагматических связях с исходным словом-стимулом. Парадигматические ассоциации включают в себя отношения синонимии (*вордйськем инты/родной дом/место рождения; мой дом – моя крепость 7; пу корка/деревянный дом; улон инты/место проживания; очаг 3; бадзьым шуныт корка, кытын улэ бадзьым семья; вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя*) и, как правило, антонимии. В данном случае они отсутствуют. Парадигматические реакции могут также характеризоваться отношениями гиперонимии и гипонимии. Гипероним является результатом операции обобщения, например, КОРКА – *анай/мама; семья/семья; анай-атай(ёс)/родители; яратоно валес/любимая кровать; жусаь гур/растопленная печь; азбар/двор, кышноен карт/муж с женой; липет/навес; пинальёс/дети; укно/окно;* тогда как гипоним – ограничения (*вордйськем инты/родной дом/место рождения; мой дом – моя крепость; улон инты/место проживания; очаг; вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя*).

9. Синтагматические связи представляют собой синтаксические закономерности речевой деятельности. Слово-стимул вступает в синтаксические отношения со словом-реакцией и образует словосочетание или грамматическую основу предложения; например, атрибутивные реакции типа *шуныт/теплый; югыт/светлый; пу корка/деревянный дом; чебер/красивый.* Синтагматические реакции в сочетании со словом-стимулом представляют собой грамматически правильные, осмысленные словосочетания удмуртского языка.

Таким образом, в концепте КОРКА концентрируются самые существенные признаки понятия «дом» – его ядро, представленное парадигматическими реакциями, называемыми конструктивными элементами, а также знания, преломлённые в сознании индивида в соответствии с его чувственной сферой – пониманием дома, связанном с представлением «уютного уголка»; чувствами человека, вызванными образом дома, его положительной оценкой. Особо следует выделить те значения исследуемой лексемы, которые объединены семьей «группа людей».



В сознании молодых носителей удмуртской культуры при употреблении слова КОРКА часто возникает образ семьи, людей, живущих вместе, под одной крышей, а также хозяйство, быт семьи. Дом является реальией, многосторонне осваиваемой человеком в различные периоды его бытия и во многом составляющей смысл и цель жизни.

Заключение

Полевой подход к изучению значения позволяет объяснить семантические потенции слова и разнообразие его возможных семантических вариаций. Анализ полученного материала на примере АП лексем АДЯМИ, УЛОН и КОРКА позволяет предположить, что модель системы живого языка представлена в виде ассоциативно-вербальной сети, в которой лексика и грамматика не разделены. В структуре семемы может быть выделено ядро и периферия значения. К ядру, как правило, относятся основные, постоянные, эксплицитные, яркие семы, к периферии – неосновные, вероятностные, скрытые, слабые семы. Ядерные семы в большинстве случаев отражаются в дефинициях толковых словарей. Периферийные семы в словаре не фиксируются, так как дифференциальных функций в системе языка, как правило, не выполняют. Однако, они могут представлять собой психологически и лингвистически реальные компоненты значения и служить основой образования переносных значений. Они также могут актуализироваться в речи и стать коммуникативно релевантными для говорящих, реализуясь в различных контекстах употребления слова. Экспериментальные методы исследования значения слова, среди которых одним из основных является свободный ассоциативный эксперимент, позволяют установить психологическую структуру значения слова в сознании носителей языка, которая проявляется как система ассоциативных связей слов. Любое слово в индивидуальном сознании не существует в отдельности. Оно множественными нитями, связями тянется к другим словам. Работа механизмов функционирования слова приводит к возникновению ассоциативной структуры значения слова. Чем слабее ассоциативное окружение слова, тем менее жизнеспособным оно является. Совокупность ассоциативных реакций представляет собой ассоциативный профиль образов сознания, специфичный для данной культуры и языка. Процесс обработки информации при восприятии слова-стимула индивидом протекает при участии всех познавательных процессов (обобщение, анализ, синтез, сравнение, противопоставление, воображение, оценка и т. д.) с преобладанием одного или нескольких из них, что непременно сказывается на способе и стиле кодирования информации. АП, получаемое в результате эксперимента, представляет собой модель, пригодную для изучения семантики слова и являет собой совокупность знаний человека об окружающей его действительности.

Разумеется, данные, полученные на одной социальной группе – в основном студентах, не могут претендовать на полноту, и их нельзя безоговорочно переносить на картину мира всех удмуртов. Тем не менее, данные ассоциативных экспериментов, словарей широко используются в лексикографии, лингводидактике, этнолингвистике, этнопсихолингвистике для проведения внутриязыковых и межъязыковых сопоставительных исследований.

Таким образом, изучая ассоциативные поля, исследователь может получить богатый материал для освоения, понимания языка и его национальной специфики. В преподавании удмуртского языка в национальной аудитории можно использовать ассоциативно-семантические поля слов в качестве вербального выражения концептов.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А. В. Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 20–32.

Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.-Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.



- Залевская А. А.* Из опыта сопоставления ассоциативных реакций в условиях различных культур // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. М.: Русский язык, 1979. С. 158–171.
- Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 382 с.
- Залевская А. А.* Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Сб. статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 72–78.
- Залевская А. А.* Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 56–71.
- Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
- Караулов Ю. Н.* Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 42–53.
- Караулов Ю. Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 191–206.
- Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А.* РАС – Русский ассоциативный словарь. Т. 1. М.: Поморский и партнеры, 1994. 224 с.
- Леонтьев А. А.* Психолингвистическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 7–19.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. Под редакцией Е. Д. Хомской. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
- Попова З. Д.* Полевые структуры в системе языка: коллективная монография / Под. ред. проф. З. Д. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 207 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 191 с.
- Рогожникова Т. М.* Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2000. 42 с.
- Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. 46 с.
- Удмуртско-русский (2008) и русско-удмуртский словари [Эл. ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения 31.05.2020).
- Уфимцева А. А.* Опыт изучения лексики как системы. Академия наук СССР, 1962. 288 с.
- Холодная М. А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. С. 72.
- Щур Г. С.* Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. С. 22–23.
- Burke D. M. & Peters L.* Word association norms for young and older adults // Social and Behavioral Science Documents, 1987, 17 (2). P. 123–131.
- Burke D. M., Mackay D. G., & James L. E.* Theoretical approaches to language and aging // T. Perfect & E. Maylor (Eds.), Models of cognitive aging. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 2000. P. 204–237.
- Fauconnier G. & Turner M.* *The Way We Think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities.* New York: Basic Books, 2002. 464 p.
- Hirsh K. & Tree J.* Word association norms for two cohorts of British adults // *Journal of Neurolinguistics.* Vol. 14, Issue 1, 2001. P. 103–110.
- Keil F. C. & Batterman N.* A characteristic-to-defining shift in the development of word meaning // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior.* 1984. Vol. 23. №2. P. 221–236.
- Ruthrof H.* Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. Melbourne: Melbourne University Press, 1998. Pp. 38–62.
- Ruthrof H.* The Body in Language. London; New York: Cassell, 2000. P. 72–76.

Поступила в редакцию 18.08.2020

Касаткина Татьяна Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034 Россия, г. Ижевск, ул. Университетская 1
E-mail: tatyana-kasatkina@rambler.ru

T. Yu. Kasatkina

ASSOCIATIVE FIELD AS A MODEL FOR WORD MEANING ANALYSIS

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603

Based on the material of the Udmurt language, the article considers a field approach to the study of a word meaning from psycholinguistic positions. The relevance of addressing the study of word semantics in this perspective is determined by the fact that such studies with native speakers of the Udmurt language have not been conducted before. Also, the material of this study will provide an opportunity for further cross-language comparative work. The main method of research is the free associative experiment (FAE), which allows a researcher to identify the most relevant lexical and semantic variants of a word for the experimental group of the Udmurt language speakers. The task of this type of work is to study the collective consciousness, which makes it necessary to conduct a mass survey in order to obtain a representative sample. The associative field obtained during the experiment represents a model and tool for analyzing the semantics of a word. The composition of the associative field, the nature and ratio of reactions in it can significantly change the idea of the meaning of the word as a communicative unit. In order to communicate successfully, it is necessary to have not only a common code, but also a common knowledge about the associative environment of the word, i.e. its associative-verbal network.

Associative field of any word has a core with the most frequent reactions and a periphery and is manifested in a variety of semantic, thematic-situational and evaluative-pragmatic relationships.

This article presents an analysis of the associative fields of the Udmurt lexemes KORKA/HOUSE, ADYAMI / HUMAN and ULON/LIFE in order to identify the most relevant components of the word meaning for speakers of the Udmurt language. The experimental data obtained were consistently compared with the data from lexicographic sources in order to establish the psychologically relevant meaning of the studied words and their designated concepts.

Keywords: field approach, word meaning, lexical-semantic variant, lexicon, native speaker, semantic field, associative field, associative experiment, psycholinguistics, individual property, language consciousness, core of linguistic consciousness, verbal associations, reaction, associate, Udmurt language, quantitative analysis.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 589–603. In Russian.

REFERENCES

Bondarko A. V. Kategorial'nye situatsii (K teorii funktsional'noi grammatiki). [Categorical situations (To the theory of functional grammar)] Voprosy yazykoznaniiya [Problems of linguistics]. Moscow, 1983. No 2. Pp. 20–32. In Russian.

Vasil'ev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 176 p. In Russian.

Goroshko E. I. *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo ehksperimenta*. Moscow – Khar'kov: Ra-Karavella, 2001. 320 p. In Russian.

Zalevskaya A. A. Iz opyta sopostavleniya assotsiativnykh reaktzii v usloviyakh razlichnykh kul'tur [From experience of comparing associative reactions in different cultures]. *Psikholingvistika i obuchenie russkomu yazyku nerusskikh* [Psycholinguistics and Russian Studies for non-Russian language learners]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1979. Pp. 158–171. In Russian.

Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, Rossiisk. gos. gumanit. un-t Publ., 2000. 382 p. In Russian.

Zalevskaya A. A. Yazykovoie soznanie i opisatel'naya model' yazyka [Linguistic consciousness and a descriptive model of language]. *Metodologiya sovremennoi psikholingvistiki: problemy, poiski, perspektivy*. [Methodology of modern psycholinguistics]. Moscow; Barnaul, 2003. Pp. 72–78. In Russian.

Zalevskaya A. A. Kontseptual'naya integratsiya kak bazovaya mental'naya operatsiya [Conceptual integration as a basic mental operation]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskii podkhod* [Word and Text: Psycholinguistic Approach], 2004. Vol. 2. Pp. 56–71. In Russian.

Zalevskaya A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst*. [Psycholinguistic studies. Word. Text]. Moscow, GNOSIS Publ., 2005. 543 p. In Russian.



- Karaulov Yu. N.** Struktura leksiko-semanticheskogo polya [Structure of the lexical and semantic field]. *Filologicheskie nauki* [Philological science]. 1972. No.1. Pp. 42–53. In Russian.
- Karaulov Yu. N.** Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti [Indicators of the national mentality in the associative-verbal network] *Yazykovoie soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and the image of the world]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN Publ., 2000. Pp. 191–206. In Russian.
- Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A.** RAS – Russkii assotsiativnyi slovar' [RAD – Russian Associative Dictionary]. Moscow, Pomorskii i partner Publ., 1994. Part 1. 224 p. In Russian.
- Leont'ev A. A.** Psikholingvisticheskaya struktura znacheniya znacheniya [Psycholinguistic structure of meaning]. *Semanticheskaya struktura slova. Psikholingvisticheskie issledovaniya* [Semantic structure of a word. Psycholinguistic research]. Moscow, Nauka Pbl, 1971. Pp. 7–19. In Russian.
- Luriya A. R.** *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow, Moscow State University Pbl., 1979. 319 p. In Russian.
- Popova Z. D.** *Polevyie struktury v sisteme yazyka: kollektivnaya monografiya* [Field structures in the language system: a collective monograph]. Voronezh, Voronezh University Pbl., 1989. 207 p. In Russian.
- Popova Z. D., Sternin I. A.** *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh institute Publ., 2001. 191 p. In Russian.
- Rogozhnikova T. M.** *Psikholingvisticheskie problemy funktsionirovaniya polisemantichnogo slova* [Psycholinguistic problems of the functioning of the polysemantic word. Abstract of Doc. filol. sci. diss.]. Ufa, 2000. 42 p. In Russian.
- Sternin I. A.** *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh University Pbl., 1985. 46p. In Russian.
- Удмуртско-русский и русско-удмуртский словари [Udmurt - Russian and Russian - Udmurt dictionaries] [Эл. ресурс]. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (accessed 31.05.2020).
- Ufimtseva A. A.** *Opyt izucheniya leksiki kak sistemy* [Experience of studying vocabulary as a system]. Academy of Sciences of the USSR, 1962. 288 p. In Russian.
- Kholodnaya M. A.** *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence. Paradoxes of research]. Snt. Peterburg: Piter Pbl., 2002. 72 p. In Russian.
- Shchur G. S.** *Teoriya polya v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moscow, Nauka Pbl., 1974. Pp. 22–23. In Russian.
- Burke D. M. & Peters L.** Word association norms for young and older adults. *Social and Behavioral Science Documents*, 1987,17 (2). Pp. 123–131.
- Burke D. M., Mackay D. G., & James L. E.** Theoretical approaches to language and aging. T. Perfect & E. Maylor (Eds.). *Models of Cognitive Aging*. Oxford.: Oxford University Press, 2000. Pp. 204–237.
- Fauconnier G. & Turner M.** *The way we think: Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002. 464 p.
- Hirsh K. & Tree J.** Word association norms for two cohorts of British adults. *Journal of Neurolinguistics*, Vol. 14, Issue 1, 2001. Pp. 103–110.
- Keil F. C. & Batterman N.** A characteristic-to-defining shift in the development of word meaning. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1984. Vol. 23. Issue 2. Pp. 221–236.
- Ruthrof H.** *Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern*. Melbourne: Melbourne University Press, 1998. Pp. 38–62.
- Ruthrof H.** *The Body in Language*. London; New York: Cassell, 2000. Pp. 72–76.

Received 18.08.2020

Kasatkina Tatyana Yurievna

Candidate of Science (Philology), Associate Professor,
Udmurt State University,

1, ul. Universitetskay, Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: tatyana-kasatkina@rambler.ru